

Ясный свет осеннего дня сиял внутри и снаружи библиотеки. Тут было очень мирно.

Внезапно раздался голос. Этот голос был очень старым, спокойным и невозмутимым. Это был грациозный голос, неторопливый и не гнетущий, голос, который внушал доверие.

Евнух Линь сказал: «Я знаю, о чем ты думаешь. Ты решил, что Его Величество был заставлен нами, предательскими чиновниками, что потребовало три дня на отправку этого указа, чтобы Ортодоксальная Академия была окружена, запрещая кому-либо покидать ее. Но ты ошибаешься. Это действительно указ, лично составленный Его Величеством, потому что... он желает защитить тебя».

Пока он говорил, он никогда не отводил взгляда от юноши у окна, как будто он пытался увидеть его насквозь. Но этот юноша не проявил реакции. Чтобы он не услышал, его голова была опущена в тишине. Как могло не последовать ответа? Это могли быть благодарность, неверие, осмеяние или злость, или какая-то другая эмоция, но когда он услышал эти слова, не должно ли было возникнуть какое-то эмоциональное изменение?

Библиотека оставалась тихой. Возможно, именно из-за этой тишины Евнух Линь ничего не говорил, не зачитывал указ, и вместо этого позволял тишине продолжаться.

Через некоторое время юноша наконец-то поднял голову, выглядывая из окна на холодные и освежающие осенние пейзажи.

С той значительной битвы на Мавзолее Книг прошло три дня, но его лицо все еще было очень бледным, и он явно стал намного более худым. Выражение его лица, однако, все еще было очень спокойным.

На его лице не было грусти или злости, не было раздражения или беспомощности, а только спокойствие.

Из-за задумчивого взгляда на его лице его отчетливые и молодые черты лица казались еще более собранными. Это отличалось от той прежней оценки его людьми - зрелый не по годам. Это уже была настоящая зрелость.

В одну ночь он испытал слишком много событий, превзошел смерть, увидел много уродливых или величественных зрелищ. Любой созреет после этого всего, верно?

Пока он думал об этих вещах, взгляд Евнуха Линя, направленный на юношу, окрасился жалостью.

Яркий желтый имперский указ уже был вынут из его рукава. Он не открывал его, вместо этого крепко держа его, как копьё в руках.

«Ты знаешь, почему я сегодня прибыл в Ортодоксальную Академию, - после очень долгой паузы Евнух Линь продолжил, - я здесь, чтобы забрать тело Императрицы».

В библиотеке все еще было тихо. Осенний ветер дул через окно и свободно путешествовал среди книжных полок.

«А затем?» - спросил Чэнь Чаншэн.

В эти дня и ночи он не ел, не пил, и не открыл свой рот до сих пор.

Он говорил очень медленно, а его голос был очень хриплым, как песок, который жарился под осенним солнцем три дня.

«Ты наконец-то заговорил».

Евнух Линь смотрел на него, а в его голосе было много эмоций.

Чэнь Чаншэн покачал головой: «Я говорил ранее. Если бы я не говорил, как бы вы смогли войти?»

Когда он говорил, он продолжал выглядывать из окна на желтеющую поляну, на холодные осенние воды озера, на большой баньян у озера. Его голос был очень спокойным, как будто в нем отсутствовали эмоции. Выражение его лица было очень серьезным без малейшего осмеяния, потому что он давал очень спокойное и объективное объяснение.

Однако, Евнух Линь был сильно расстроен этим и почувствовал тяжесть на груди.

Это было фактом. Хотя и бесполезным, но оставалось фактом, что именно он позволил Су Моюй открыть врата Ортодоксальной Академии.

Это никак не было связано с Евнухом Линем, и никак не было связано с имперским указом. Он просто желал сказать что-то.

Как определенный юноша сказал три года назад в Таверне Сливового Сада, Чэнь Чаншэн и Сюй Южун были людьми, которые лишали других дара речи.

Библиотека вновь затихла, пока Евнух Линь не заговорил вновь.

«Да, но ты все же заговорил. Как и то, что не все желают умирать вместе с Ортодоксальной Академией», - сказал он, глядя на Чэнь Чаншэна.

«Ортодоксальная Академия - это не Забирающая Звезды Академия. У академии не слишком строгие правила, и нет этики, которой нужно соответствовать. Это место для обучения; какое право может быть в требовании подобных вещей?»

Чэнь Чаншэн не держал зла на тех учителей и студентов, которые покинули Ортодоксальную Академию, и не чувствовал никакой надобности давать объяснения старому евнуху.

«А затем?» - он спросил, выглядывая из окна на осенние пейзажи.

Это было повторение, закрепление вопроса. Что важно, это был вопрос, на который он хотел знать ответ.

«После того, как мы заберем Фениксовое тело Божественной Императрицы, естественно, произойдет великое захоронение, нет... конечно же, это будут государственные похороны, - невыразительно объяснил Евнух Линь, - хотя, с моей точки зрения, кости Демонической Императрицы должны быть перемолоты в пыль и выброшены в грязную канализацию, но она - первая жена Императора Сяня, мать Его Величества. У нее есть статус и ранг - для тебя нет надобности занимать себя этими проблемами».

Чэнь Чаншэн все еще спокойно выглядывал из окна, отвечая: «Я уже похоронил ее».

Библиотека вновь затихла. Никто не говорил в течение очень долгого времени.

Так как она уже была похоронена, у нее, естественно, была могила. Так как существовала могила, ее, естественно, нельзя было раскапывать. Даже имперский указ будет бесполезен в этом случае.

Потому что это было нравственностью, этикой, уважением к умершим.

«Так как даже могилу в Саду Чжоу можно открыть, в мире нет могилы, которую нельзя открыть».

Евнух Линь немного сузил глаза, глядя на него: «Возможно, ты просто можешь сказать мне, где ее могила».

Она была похоронена в глубинах Сада Сотни Растений.

Чэнь Чаншэн молча задумался над этим, не отвечая на это требование.

В прошлые несколько лет его немногочисленные встречи с Божественной Императрицей Тяньхай были в Саду Сотни Растений.

Он никогда не спрашивал Божественную Императрицу, почему она любила пить чай в Саду Сотни Растений, или что для нее значили каменный стол, металлический чайник, а также черный и белый чай.

Но в Саду Сотни Растений она гладила его лицо, видела его глаза. Он видел воспоминания в ее глазах и знал, что это было ее самым любимым местом, потому что это было тем местом, в котором она испытала наиболее прекрасный период.

Поэтому он похоронил ее в Саду Сотни Растений.

«Директор Чэнь бросает вызов указу?»

Евнух Линь еще больше сузил глаза, была раскрыта его острота, а его тон стал невероятно твердым.

Это был первый раз, когда он обратился к Чэнь Чаншэну, как к директору. Он говорил с большой мрачностью, а выражение его лица было невероятно серьезным.

Чэнь Чаншэн выглядывал из окна на осенние пейзажи в тишине.

Только сейчас он понял, что осенний день без дождя действительно не имел смысла.

Без дождя, падающего на красные и желтые листья, пыль, поднимающаяся из-за стен академии, рассеивала солнечный свет. Он уже не был ясным и привлекательным, и даже давал липкое и сальное чувство, вызывая недовольство.

Он был недоволен таким осенним днем.

«Чжу Ло и Гуань Синкэ преобразились в пыль и свет после культивации, возвращаясь к морю звезд, не оставляя ни одного следа в мире людей. Культивация Императрицы сильно превосходила этих двух Святых. Если бы она пожелала, она бы могла превратить свое тело в звездную пыль в момент смерти. Однако, она не сделала этого. Ты понимаешь, почему?»

Евнух Линь вошел в библиотеку и встал на черный и сияющий пол.

Приподнятый порог двери был прямо за его спиной.

Он продолжал смотреть на Чэнь Чаншэна, говоря: «Потому что Императрица знала, что ты ценил чувства, что ты определенно заберешь ее тело прочь, и поэтому оставила тебе так много проблем».

Эти его слова были весьма мрачными, тяжелыми, а выражение его лица - очень мрачным и серьезным.

Чэнь Чаншэн понимал, что он имел в виду, и знал, что большинство людей тоже думало подобным образом, но он не верил в это.

Учитывая, каким человеком была Божественная Императрица Тяньхай, почему бы ее беспокоили такие тривиальные вопросы после ее смерти?

Жаль, что никто не поверит в это.

«Ты вложил усилия в смерть Демонической Императрицы на вершине Мавзолея Книг, и ты также младший брат Его Величества».

Голос Евнуха Линя становился все мрачнее и мрачнее: «Но все видели, как она спасает тебя на вершине Мавзолея Книг, а также видели, как ты уносишь ее».

Чэнь Чаншэн все еще выглядывал из окна на пейзажи, не отвечая на эти слова.

Евнух Линь продолжил: «В глазах других ты ничего из себя не представляешь. Пренебречь тобой или убить тебя - это две очень простые задачи. Даже Директор Шан верит, что нет смысла или выгоды в том, чтобы позволить тебе остаться, но... я так не думаю. Поэтому сегодня я прибыл в Ортодоксальную Академию издать этот указ, а также дать тебе шанс».

Чэнь Чаншэн моргнул, как будто желая полностью сокрушить осень за окном.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/191987>